Дата поступления рукописи в редакцию: 19.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-77-83

КАРКАЕВ Давид Зиядович,
аспирант Управления аспирантуры и докторантуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: law@dkarkaev.ru

Научный руководитель:
ДЕДОВ Дмитрий Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ЕКПЧ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *Прекращение действия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для Российской Федерации изменило международные условия защиты прав, но не создало правового вакуума и не лишило Россию собственной конституционной правозащитной основы. Проблема состоит в юридически необоснованном ожидании, что место Европейского Суда по правам человека должен занять иной внешний орган с сопоставимой юрисдикцией. Цель статьи заключается в разграничении сохраняющих значение международных механизмов по источнику компетенции, форме итогового акта и допустимому последствию в российском правопорядке. Использованы формально-юридический и системный методы, толкование международных договоров и функциональное сравнение контрольных процедур. Установлено, что Российское государство несет первичную ответственность за обеспечение прав и свобод. Ее институциональное ядро образуют национальные средства защиты и централизованный конституционный контроль. Добросовестное выполнение Россией сохраняющихся международных обязательств служит проявлением ответственного суверенитета. Международные процедуры имеют дополнительное экспертное, контрольное и координационное значение только в пределах добровольно признанной компетенции. Научная новизна состоит в трехуровневой модели восприятия международного материала, которая разграничивает обязательную договорную норму, акт компетентного договорного органа и сравнительный либо рекомендательный материал. Сделан вывод, что России не требуется новый наднациональный правозащитный орган взамен ЕСПЧ. Перспективным направлением является укрепление российских судов, Конституционного Суда Российской Федерации и равноправного консультативного сотрудничества в рамках СНГ.*

Ключевые слова: *права человека; международные договоры; договорные органы ООН; Конституционный Суд Российской Федерации; ЕКПЧ; СНГ; международный контроль; национальное применение; государственный суверенитет.*

KARKAEV David,
Postgraduate Student, Postgraduate and Doctoral Studies Directorate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Scientific supervisor:
DEDOV Dmitry Ivanovich,
Doctor of Law, Professor

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR HUMAN RIGHTS PROTECTION AFTER THE ECHR CEASED TO APPLY TO RUSSIA

Annotation. *The European Convention on Human Rights ceasing to apply to the Russian Federation changed the international conditions of human rights protection but did not create a legal vacuum or deprive Russia of its own constitutional foundations for protecting rights. The problem lies in the legally unfounded expectation that another external body with comparable jurisdiction should replace the European Court of Human Rights. This article distinguishes the international mechanisms*

that remain relevant by their source of competence, the legal form of their final acts, and their permissible effects in the Russian legal order. It employs formal legal and systemic methods, treaty interpretation, and functional comparison of monitoring procedures. The article establishes that the Russian State bears primary responsibility for securing rights and freedoms. Domestic remedies and centralized constitutional review form the institutional core of this responsibility. Russia's good-faith performance of its continuing international obligations is a manifestation of responsible sovereignty. International procedures have supplementary expert, monitoring, and coordinating significance only within voluntarily accepted competence. The novelty lies in a three-level model of domestic reception that distinguishes a binding treaty rule, an act of a competent treaty body, and comparative or recommendatory material. The article concludes that Russia does not need a new supranational human rights body to replace the ECtHR. The appropriate course is to strengthen Russian courts, the Constitutional Court of the Russian Federation, and intergovernmental consultative cooperation among equal CIS States.

Key words: *human rights; international treaties; United Nations treaty bodies; Constitutional Court of the Russian Federation; ECHR; CIS; international monitoring; domestic application; state sovereignty.*

Введение

Прекращение действия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для Российской Федерации исключило применение ее контрольного механизма к новым действиям и бездействию после критической даты. Вместе с тем оно не прекратило действие Конституции Российской Федерации и универсальных договоров, участницей которых остается Россия. Статьи 17, 45 и 46 Конституции закрепляют национальную основу защиты прав. Часть 3 статьи 46 допускает обращение в межгосударственные органы только при наличии международного договора Российской Федерации и после исчерпания доступных внутригосударственных средств [1, ст. 17, 45, 46].

Компетенция международного органа должна иметь конкретное договорное основание. Международная процедура дополняет национальную защиту, но не освобождает российские органы от обязанности восстановить нарушенное право. Суверенитет означает способность России самостоятельно обеспечивать права и добросовестно выполнять принятые международные обязательства.

В российской доктрине исследованы возможности и пределы универсальных договоров о защите прав человека [14, с. 26–43]. Договорные органы ООН также получили системное описание [15, с. 198–254]. Однако перечисление процедур не отвечает на вопрос об их юридической взаимозаменяемости. Индивидуальное сообщение, периодический доклад и региональный консультативный диалог имеют разные основания и последствия. Цель статьи состоит в их разграничении по источнику компетенции, форме итогового акта и способу национального восприятия.

Методологическую основу образуют формально-юридический и системный методы. Толкование договоров осуществляется с учетом статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров [2, ст. 31, 32]. Функциональное сравнение применяется для установления задач каждого механизма, а не для признания различных процедур одинаковыми.

Суверенная основа защиты и роль Конституционного Суда Российской Федерации

Прекращение одного договора не прекращает самостоятельные обязательства государства по другим договорам. Статьи 26 и 27 Венской конвенции закрепляют принцип pacta sunt servanda и не допускают ссылку на внутреннее право как оправдание неисполнения действующего договора [2, ст. 26, 27]. М. Б. Лобов в кандидатской диссертации «Денонсация международных договоров: правовые последствия» обосновывает взаимодополняющий характер права государства на выход из договора и обязанности исполнять сохраняющий силу договор. Эти начала обеспечивают баланс договорной конструкции [19, с. 17, 24, 32]. Для России суверенитет проявляется и в правомерном прекращении договорной связи, и в добросовестном исполнении тех обязательств, которые продолжают действовать.

Верховенство Конституции институционально обеспечивается централизованным конституционным контролем. Статьи 79 и 125 Конституции относят к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации разрешение вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа, принятого в истолковании международного договора, которое противоречит Конституции [1, ст. 79, 125]. Конституционный Суд не подменяет все национальные средства защиты. Он определяет конституционные пределы и допустимый способ восприятия внешнего решения российским правопорядком.

Такое соотношение согласуется с функциональной логикой М. Л. Энтина. Он раскрывал европейскую систему через первичную ответственность национальных органов, субсидиарный международный механизм и отдельный контроль

исполнения [17, с. 101–105]. После прекращения действия ЕКПЧ эта институциональная конструкция не применяется к новым российским делам. Ее методологический смысл сохраняется: международный механизм дополняет национальную защиту и не заменяет ее. М. Л. Энтин и Е. Г. Энтина также показывают влияние правозащитного материала на развитие международного права, но такое влияние не устраняет различий между договорной нормой, актом контрольного органа и национальным решением [18, с. 31–49].

Следовательно, России не требуется новый наднациональный центр, которому была бы передана окончательная правовая власть. Основное направление развития состоит в повышении эффективности российских судов, внесудебных гарантий и конституционного контроля. Международное сотрудничество имеет ценность постольку, поскольку оно основано на согласии России и приносит практическую пользу национальной системе защиты.

Универсальные договорные механизмы и различие их функций

Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет договорные обязательства России. Его положения и первый Факультативный протокол образуют разные юридические основания. Пакт устанавливает права и отчетность, а Протокол учреждает процедуру индивидуальных сообщений для государств, признавших ее [3; 4]. Итогом рассмотрения сообщения Комитетом ООН по правам человека являются соображения. Общий комментарий № 33 связывает участие в процедуре с обязанностью добросовестно сотрудничать с Комитетом и рассмотреть его выводы [5, п. 11, 13, 15]. Это не превращает Комитет в международный суд и не наделяет его акт автоматическим отменительным действием в России.

Другие договоры используют собственные формулы компетенции. Комитет против пыток рассматривает сообщения при наличии декларации по статье 22 Конвенции [6]. Комитет по ликвидации расовой дискриминации действует на основании статьи 14 соответствующей Конвенции и декларации государства [7]. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин получает компетенцию из отдельного Факультативного протокола [8]. Сходство экспертных процедур не устраняет различий в договорном основании, предметной компетенции и форме итоговых документов.

Периодическая отчетность выполняет иную функцию. Договорный орган оценивает общие меры государства и принимает заключительные замечания. Универсальный периодический обзор в Совете ООН по правам человека является межгосударственной процедурой и завершается рекомендациями, которые государство принимает либо отмечает [10]. Ни отчетность, ни обзор не разрешают индивидуальный спор. Поэтому ими нельзя заменить доступ человека к национальному суду.

Функциональное разграничение препятствует игнорированию сохраняющихся договорных обязательств и перенесению на экспертный орган полномочий международного суда. Добросовестное участие России в признанной договорной процедуре совместимо с суверенитетом. Выход органа за пределы компетенции не должен порождать не предусмотренных договором последствий.

Международный материал в российском правопорядке

Для целей настоящей статьи под международным материалом понимается совокупность юридически неоднородных норм и документов, имеющих значение для защиты прав человека в российском правопорядке. К нему относятся обязательные для Российской Федерации нормы действующих международных договоров, акты международных договорных органов, принятые в пределах признанной Россией компетенции, а также сравнительные, экспертные и рекомендательные документы международных органов. Объединение этих элементов одним понятием не означает признания за ними одинаковой юридической силы или одинаковых национальных последствий.

Для национального применения международный материал целесообразно разделить на три уровня. Первый уровень образует обязательная договорная норма, действующая для России. Она применяется в соответствии с Конституцией и законодательством о международных договорах. Второй уровень составляет акт компетентного договорного органа. Он требует рассмотрения и мотивированной оценки, но его национальное последствие зависит от договора, юридической формы акта и компетенции российского органа. Третий уровень включает сравнительный, доктринальный и рекомендательный материал. Он может использоваться для аргументации и совершенствования права, но не создает обязанности сам по себе.

Такое различие соответствует международной дискуссии о национальном значении актов договорных органов. М. Канетаке показывает, что внутренние суды воспринимают их неодинаково. Значение определяется национальной правовой системой и конкретной процессуальной формой [16, p. 201–232]. Российский подход должен быть юридически последовательным. Он не предполагает ни автоматического отказа от международного материала, ни придания ему силы, которой договор и российский закон не преду-

сматривают.

Обзор практики межгосударственных органов Верховного Суда Российской Федерации подтверждает возможность профессионального учета соответствующего материала в национальной судебной деятельности [11]. Вместе с тем Пленум Верховного Суда в 2025 г. признал утратившим силу специальное постановление о применении ЕКПЧ [12]. Общие правила о применении международных договоров сохраняются в постановлении Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 в действующей редакции [13]. Эти акты показывают необходимость раздельной квалификации прекращенного европейского режима и продолжающих действовать договоров.

Практический алгоритм включает шесть вопросов: какой акт является источником компетенции; участвует ли Россия в соответствующем режиме; к какому виду относится процедура; какова юридическая форма итогового документа; какой российский орган компетентен его оценить; какое национальное последствие прямо допускает право России. Такой подход защищает правовую определенность и исключает создание внешним актом нового основания для пересмотра решения российского суда.

Консультативное сотрудничество в рамках СНГ

Региональный уровень следует оценивать без попытки механически воспроизвести модель Совета Европы. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека, Протокол 2022 г. и обновленное Положение о Комиссии по правам человека СНГ образуют договорно-институциональную основу сотрудничества [9]. Современная деятельность Комиссии ориентирована на межгосударственный диалог, тематическое взаимодействие и обмен опытом. При отсутствии введенной индивидуальной процедуры Комиссия не может считаться заменой ЕСПЧ.

Для России перспективно развитие консультативной функции Комиссии. Она может содействовать сопоставлению законодательства, обмену лучшими национальными практиками и подготовке согласованных предложений государствам. Такая координация не требует полномочия отменять решения национальных органов. Ее устойчивость зависит от равноправия государств, ясной компетенции, недопустимости политизации и уважения конституционной идентичности участников.

Сотрудничество в СНГ имеет значение для евразийской правовой субъектности. Региональная координация должна помогать национальным органам и выполнению универсальных договоров ООН. Она не является вышестоящим уровнем по отношению к российским судам и Конституционному Суду. Россия может развивать такое взаимодействие, сохраняя собственную ответственность за защиту прав.

Функциональная модель суверенной правозащитной политики России

Проведенный анализ позволяет выделить четыре функции международной защиты. Нормативную функцию выполняют действующие договоры. Индивидуально-контрольная функция существует только в пределах факультативных протоколов и деклараций о признании компетенции. Мониторинговая функция реализуется посредством периодических докладов, заключительных замечаний и универсального периодического обзора. Регионально-координационная функция связана с равноправным сотрудничеством государств СНГ.

Ни одна из этих функций не требует учреждения нового наднационального суда для России. Международное измерение сохраняется в форме договорных обязательств, экспертного контроля и межгосударственной координации. Окончательное национальное решение принимает российский орган в пределах конституционной компетенции.

Суверенная правозащитная политика должна соединять развитие российских гарантий при централизованной роли Конституционного Суда, профессиональное использование договорных процедур и евразийскую координацию без наднационального правозащитного центра. Такое сочетание позволяет России исполнять договоры и сохранять самостоятельность правопорядка.

Заключение

Во-первых, прекращение действия ЕКПЧ не прекратило самостоятельные обязательства России по универсальным договорам о правах человека. Их юридическое основание устанавливается по каждому действующему договору. Добросовестное исполнение таких обязательств является проявлением ответственного суверенитета.

Во-вторых, первичная ответственность за обеспечение прав принадлежит Российскому государству. Международные механизмы имеют дополнительное значение и действуют в пределах признанной Россией компетенции. Центральное место в определении конституционной допустимости внешнего решения занимает Конституционный Суд Российской Федерации.

В-третьих, универсальные и региональные процедуры не являются взаимозаменяемыми. Сходство защищаемых прав не означает тождества компетенции, итогового акта и способа национального исполнения. Соображения договорного органа не тождественны постановлению международного суда и сами по себе не отменяют российский судебный акт.

В-четвертых, для российского правопорядка обоснована трехуровневая модель восприятия международного материала. Она различает обязательную договорную норму, акт компетентного договорного органа и сравнительный либо рекомендательный материал. Такая модель позволяет одновременно исполнять договоры и охранять конституционную правовую определенность.

В-пятых, Комиссия по правам человека СНГ представляет перспективную площадку консультативного сотрудничества. России целесообразно содействовать обмену правовыми подходами и национальными практиками. Это не требует создания наднационального суда или передачи Комиссии полномочий российских органов.

Таким образом, Россия располагает собственной конституционной и судебной системой защиты прав. Ее укрепление, добросовестное выполнение действующих договоров и равноправное международное сотрудничество образуют более обоснованную стратегию, чем поиск внешнего института, призванного заменить ЕСПЧ.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 06.08.2026).

[2] Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, 23 May 1969. United Nations Treaty Series. Vol. 1155. P. 331. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201155/volume-1155-I-18232-English.pdf (дата обращения: 06.08.2026).

[3] International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (дата обращения: 06.08.2026).

[4] Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966; Russian Federation: accession by the Union of Soviet Socialist Republics, 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-5&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[5] Human Rights Committee. General Comment No. 33. Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. CCPR/C/GC/33, 25 June 2009. URL: https://docs.un.org/en/CCPR/C/GC/33 (дата обращения: 06.08.2026).

[6] Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. New York, 10 December 1984. Art. 22; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=135 (дата обращения: 06.08.2026).

[7] International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. New York, 21 December 1965. Art. 14; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=330 (дата обращения: 06.08.2026).

[8] Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. New York, 6 October 1999. Russian Federation: ratification 28 July 2004. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-8-b&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[9] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.; Протокол о внесении изменений в Конвенцию от 14 октября 2022 г.; Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 290-ФЗ. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307100011; Комиссия по правам человека СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/4040/ (дата обращения: 06.08.2026).

[10] Basic Facts about the Universal Periodic Review // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/upr/basic-facts (дата обращения: 06.08.2026).

[11] Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2024) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/33870/ (дата обращения: 06.08.2026).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2025 г. № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/35196/ (дата обращения: 06.08.2026).

[13] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» в ред. от 9 декабря 2025 г. URL: https://vsrf.ru/documents/own/8334/ (дата обращения: 06.08.2026).

[14] Исполинов А. С. Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 26–43.

[15] Абашидзе А. Х., Конева А. Е., Солнцев А. М. Договорные органы по правам человека системы ООН // Международная защита прав человека / под ред. А. Х. Абашидзе. 2-е изд. М.: РУДН, 2020. С. 198–254.

[16] Kanetake M. UN Human Rights Treaty Monitoring Bodies Before Domestic Courts // International and Comparative Law Quarterly. 2018. Vol. 67. No. 1. P. 201–232. DOI: 10.1017/S002058931700046X..

[17] Энтин М. Л. Главные отличительные особенности европейской системы защиты прав человека // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 101–115. DOI: 10.24833/0869-0049-2004-3-101-115..

[18] Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть II // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 31–49. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49..

[19] Лобов М. Б. Денонсация международных договоров: правовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.5. М., 2025. 253 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (date of appeal: 06.08.2026).

[2] Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, 23 May 1969. United Nations Treaty Series. Vol. 1155. P. 331. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201155/volume-1155-I-18232-English.pdf (access date: 06.08.2026).

[3] International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (дата обращения: 06.08.2026).

[4] Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. New York, 16 December 1966; Russian Federation: accession by the Union of Soviet Socialist Republics, 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-5&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[5] Human Rights Committee. General Comment No. 33. Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. CCPR/C/GC/33, 25 June 2009. URL: https://docs.un.org/en/CCPR/C/GC/33 (access date: 06.08.2026).

[6] Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. New York, 10 December 1984. Art. 22; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=135 (дата обращения: 06.08.2026).

[7] International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. New York, 21 December 1965. Art. 14; Declaration of the Union of Soviet Socialist Republics of 1 October 1991. URL: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?chapter=4&index=Russian+Federation&lang=_en&treaty=330 (дата обращения: 06.08.2026).

[8] Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. New York, 6 October 1999. Russian Federation: ratification 28 July 2004. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-8-b&src=TREATY (дата обращения: 06.08.2026).

[9] Commonwealth of Independent States Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms of 26 May 1995; Protocol amending the Convention of 14 October 2022; Federal Law No. 290-FZ of July 10, 2023. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307100011; CIS Human Rights Commission. URL: https://e-cis.info/cooperation/4040/ (access date: 06.08.2026).

[10] Basic Facts about the Universal Periodic Review // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/upr/basic-facts (access date: 06.08.2026).

[11] Review of the practice of interstate bodies for the protection of human rights and fundamental freedoms No. 3 (2024) // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/33870/ (access date: 06.08.2026).

[12] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2025 No. 33 "On Amending Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and Invalidating the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 21." URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/35196/ (access date: 06.08.2026).

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003 No. 5 "On the Application by Courts of General

Jurisdiction of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation" as amended on December 9, 2025 URL: https://vsrf.ru/documents/own/8334/ (date of appeal: 06.08.2026).

[14] Ispolinov A. S. Strength and weakness of universal human rights treaties // Russian Law Journal. 2022. № 3. S. 26-43.

[15] Abashidze A. Kh., Koneva A. E., Solntsev A. M. Human rights treaty bodies of the UN system // International protection of human rights/ed. A. Kh. Abashidze. 2nd ed. M.: RUDN UNIVERSITY, 2020. S. 198-254.

[16] Kanetake M. UN Human Rights Treaty Monitoring Bodies Before Domestic Courts // International and Comparative Law Quarterly. 2018. Vol. 67. No. 1. P. 201–232. DOI: 10.1017/S002058931700046X..

[17] Entin M. L. The main distinguishing features of the European system of human rights protection // Moscow Journal of International Law. 2004. № 3. S. 101-115. DOI: 10.24833/0869-0049-2004-3-101-115..

[18] Entin M. L., Entina E. G. The impact of human rights law on the progressive development of modern international law. Part II // Moscow Journal of International Law. 2017. № 4. S. 31-49. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-31-49..

[19] Lobov M. B. Denunciation of international treaties: legal consequences: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.5. M., 2025. 253 pp.

